

Рецензии

ВСТРЕЧА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ С «ДОКТОРОМ ЖИВАГО»

Рец. на: Флейшман Л. Борис Пастернак и “холодная война” // Серия «Исследования кафедры славистики Стенфорда». Т. 38. Стенфорд, 2009. На рус. яз.

Автор книги – профессор славистики Стенфордского университета (США), один из наиболее известных исследователей жизни и творчества Бориса Пастернака.

Л. Флейшман вырос в Риге, где закончил Университет. С творчеством Пастернака он впервые познакомился в 1962 г., во время выступления в Риге молодого тогда литератора Андрея Синявского, работавшего критиком в журнале «Новый мир»¹. Впоследствии значительными событиями в пастернаковедении стали две его фундаментальные книги биографического характера: «Борис Пастернак в двадцатые годы» и «Борис Пастернак в тридцатые годы».

С 1974 г. ученый преподает в Стенфордском университете, где по его инициативе было организовано семь международных конференций, посвященных творчеству Пастернака. В 2004 г. одновременно с М.Л. Гаспаровым Флейшман был награжден независимой Литературной премией им. Бориса Пастернака.

Книгу, о которой пойдет речь, Л. Флейшман посвятил «Памяти Глеба Петровича Струве, замечательного ученого, большого человека». На первой ее странице – фотография Струве; на следующей – фотокопия письма Глеба Струве в Нобелевский комитет с предложением выдвинуть писателя Бориса Пастернака кандидатом на Нобелевскую премию по Литературе (дата письма – 30 января 1958 г.).

В первой (вводной) главе Л. Флейшман пишет о главной цели книги: показать, «...какова была роль русской эмигрантской общественности в событиях, окружавших издание “Доктора Живаго” и скандал вокруг него, в чем и как выразилась реакция русской эмиграции на появление романа, совершенно опрокидывавшего существовавшие представления о духовной жизни за “железным занавесом”».

Объем проделанной автором работы (изучение материалов архивов, журнальных и газетных статей, опубликованных в Европе и Америке, сотен писем, большинство из которых читатель увидит впервые) поражает обилием и разнообразием. Все материалы (а они, по сообщению автора, собирались им 25 лет) снабжены его подробными комментариями. Объем книги превышает 450 стр.

Особый интерес и значимость представляют впервые публикуемые письма из Гуверовского архива. Это переписка Г. Струве с Жозефиной Пастернак, с литераторами Вишняком, Иваском, Марковым, Терапиано, В. Франком, Джорджем Гибианом, Никитой Струве и Борисом Филипповым, активно занимавшимся изданием трехтомного Собрания сочинений Б. Пастернака (выйдет из печати в США в 1961 г., уже после смерти поэта). Кроме того, представлен большой ряд редких писем из Бахметьевского архива Колумбийского университета.

Основу книги составил анализ автором откликов, появившихся в главных журналах и газетах русской эмиграции. Это – парижские «Русская мысль», «Русские новости» и «Русское Воскресенье», а также выходившие в США «Новое русское Слово», «Русская жизнь», «Новый журнал», «Опыты». Кроме того, важные публикации периода «живаговских страстей» и дней «нобелевской травли» Бориса Пастернака печатали в Мюнхене такие издания, как радио «Свободная Европа» (тогда «Освобождение») и органы печати главных политических организаций русских эмигрантов НТС, ЦОПЭ: ж. «Грани» (изд-ва «Посев»), «Возрождение», «Вестник Мюнхенского Института по изучению СССР».

Как пишет Л. Флейшман, «Абсолютное большинство эмигрантских (и не только русских) книг, журналов, газет или радиопередач после войны в той или иной форме субсидировалось правительственными службами США...» (с. 214). Надо помнить, что в разгаре была «холодная война» (потепление закончилось после «венгерских событий» 1956 г., когда советские танки расстреляли в Будапеште надежду на свободу!).

Авторами важнейших писем и публикаций (особенно во время горячего периода с романом «Доктор Живаго» и Нобелевской премией Пастернака) были знаковые, широко известные представители культурных и литературных кругов русской эмиграции: Г. Адамович, Г. Струве, М. Слоним, Н. Оцуп, Ю. Иваск, С. Водов, Р. Гуль, В. Франк, М. Вишняк, Г. Катков, М. Вейнбаум, Ю. Терапиано,

¹ Биографические данные Л. Флейшмана см. в «Литературной газете», опубликовавшей интервью с ним журналиста Ирины Тосунян (2008, №24),

В. Набоков, Д. Пронин, Р. Гринберг, В. Марков, Н. Струве, Ж. Невсель, Жаклин де Пруайяр, Ф. Степун, П. Сувчинский, Аргус, И. Елагин, О. Анстей, Г. Забежинский, А. Слонимский, И. Берлин, Н. Тарасова, А. Гаев, К. Померанцев, И. Одоевцева, Н. Берберова, З. Шаховская и др.

Важно, что все цитируемые тексты приводятся также на языке первоисточника, так что читатель сам определяет качество перевода, которым желает воспользоваться.

Уже первая глава книги (с. 15-55) представляет читателю многоцветную и насыщенную информационную картину истоков будущего всемирного интереса к роману Пастернака и к его новому поэтическому взлету («неслыханной простоте»).

Первая цитата в книге – из черновика письма Жозефины Леонидовны, сестры Пастернака (*Лондон, от 14.11.56 г.*): «Боря, Боря милый, дорогой (...) О Боря, верь, мы понимаем, мы знаем, о чем ты: но все Божеское компромисс. Нет, нет, это не пассивность только. Это превышающая практическое Толстовство вера (...) Какие стихи! (...) такое страдание духовности под гнетом физической оболочки. А в стихах как дух этот торжествует над скованностью, какие бессмертные стихи, – как за них благодарить. Да хранит Вас всех Бог. Жоня» (с. 19). Жозефина сообщает также о предстоящих встречах: с Георгием Катковым (проф. Оксфорда, посещавшим Пастернака в Переделкино летом 1956 г.; это ему передал Пастернак копию рукописи романа для издания в Англии) и с Исайей Берлиным (философ, литератор, влиятельный общественный деятель Англии, повидавший Пастернака в 1956 г.: впервые после их знакомства в 1945-ом).

Флейшман называет ряд имен известных в эмиграции критиков, высоко ценивших поэзию Пастернака довоенного периода. С восхищением писали о нем поэты Иван Елагин и Ольга Анстей (в 1943-м оказавшиеся в Европе, а в 1950-м эмигрировавшие в США). В 1952 г. в Издательстве им. Чехова (США) вышла антология Владимира Маркова «Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом», в которой главное место отведено Пастернаку: она включает 35 его стихотворений, 28 стихов О. Мандельштама, 25 – Н.Тихонова, 17 – С. Есенина, 14 – В. Маяковского, 13 – Н. Заболоцкого, 12 – А. Ахматовой, 9 – В. Хлебникова и др.

Составитель Антологии В. Марков, молодой критик из новой волны эмиграции, считал новаторскую поэтическую технику Хлебникова и Пастернака примером для молодых. Позднее Марков поступит в аспирантуру Калифорнийского университета (в Беркли), где напишет (под руководством проф. Глеба Струве) докторскую диссертацию о поэмах Хлебникова.

Симптоматично звучат слова В. Маркова в Предисловии к Антологии: «От ранних вещей Пастернака веет такой непосредственностью, что начинаешь видеть мир, каким видел его лишь в детстве. В более поздних стихах он пришел к большей скупости средств, к своеобразной простоте, но в них нет одуряющей свежести сборника стихов “Сестра моя жизнь”. Последние 20 лет Пастернак ничего не печатал из стихов, уйдя в переводы – род внутренней эмиграции (...) Среди советских поэтов Пастернак выглядит ... белой вороной, лунатиком среди автоматов, точно подчиняющихся приказам...» (с. 37). Л. Флейшман характеризует Маркова как критика с широким историко-литературным подходом.

Реакция эмигрантов «старой волны» на место Пастернака в Антологии отразилась в письмах Юрия Терапиано (парижский поэт, с 20-х гг. увлеченный поэзией Пастернака и Цветаевой) к составителю Маркову:

«Не спору – Пастернак явление значительное, но вряд ли способное сейчас действительно оплодотворять настоящее. 24 сентября 53 г.

Я тоже больше люблю раннего Пастернака (...) Бунин как-то сказал: “Или Пастернак – великий русский поэт, или русская поэзия, без Пастернака – великая поэзия”». 22 ноября 1953 г. (с. 38).

В книге цитируется фрагмент письма Георгия Адамовича, столпа и ветерана парижской литературной критики, утверждавшего, что «о советских поэтах и говорить нечего. Они не могут быть поэтами, по крайней мере в печати» (с. 39).

Л. Флейшман отмечает: «Ни стихи из “Доктора Живаго” в журнале “Знамя” 1954 г. (цензура не пропустила в журнал Евангельские стихи Пастернака. – Б.М.), ни известие о работе над романом, ни появление новых лирических стихов в московских изданиях 1956 г. большого внимания к “загадочному” Пастернаку со стороны старой эмигрантской интеллигенции не привлекли. В отчетах эмигрантской прессы о советской литературе звучали имена: Паустовский, Дудинцев (его роман “Не хлебом единым” широко представил Г. Адамович в газ. “Русская мысль” от 7 марта 1957 г.), Мартынов, Евтушенко, Нагибин, Шолохов, Гранин» (с. 40). «Эмигрантская печать оказалась застигнутой врасплох новостью о романе, о его запрещении в СССР и близком выходе перевода за границей» (с. 42).

Началом «пастернаковской волны» стала публикация в журнале «Свобода» (орган ЦОПЭ) на русском языке стихотворения «Гамлет». Вскоре в Мюнхене журнал «Грани» (орган НТС) напечатал группу стихов на Евангельскую тему: *На страстной, Рождественская звезда, Чудо, Дурные дни, Магдалина, Гефсиманский сад*. В предисловии к ним Николая Оцупа, поэта и известного литературного критика, имя автора не было указано. По-видимому, не только соображения безопасности автора, но и неясная ситуация с авторскими правами вынуждали редакцию скрыть имя Пастернака и принадлежность этих стихов роману «Доктор Живаго» (с. 45).

С поступлением романа в продажу (в Италии, ноябрь 1957 г.) скрывать имя автора уже не имело смысла. Журналист А. Морелли писал, что за ноябрь-декабрь было выпущено 5 тиражей романа. В книге Карло Фельтринелли «Синьор сервис», где он пишет о своем отце Дж. Фельтринелли (издателе романа «Д.Ж»), сообщается, что за две недели напечатали 3 тиража романа, пользовавшегося огромным спросом.

В воспоминаниях Зинаиды Шаховской (весна 1958 г.), русской поэтессы, жившей в эмиграции, но приезжавшей в Москву, говорится: «Роман “Доктор Живаго”, хотя и не печатался в СССР, был на устах советской интеллигенции. Я вернулась с копиями стихов из романа. С самим Пастернаком я не встречалась. Неизвестными путями, из рук в руки, передавалась рукопись. Все были уверены, что вскоре роман напечатают здесь, на родном языке»² (с. 47).

Первый отклик написал Марк Слоним, прочитавший роман на итальянском языке. Отзыв вышел в Америке, в главной газете русской эмиграции «Новое русское слово» (НРС) 5 января 1958 г. Его срочно (уже 16 января) перепечатала парижская газета «Русская мысль». М.Слоним, ранее много лет живший в Праге и Париже, один из самых авторитетных в эмиграции знатоков русской литературы советского периода, отметил, что книга глубоко чужда стилистическим схемам и штампам так называемого «социалистического реализма». Герои Пастернака – Юрий Живаго, его семья и его подруга Лариса Федоровна – «стоят вне революции» (с. 51).

Флейшман приводит переписку Пастернака со знаменитым русским парижанином Петром Сувчинским (в 20-е гг. лидер Евразийства, известный в культурных кругах Франции), который в ноябре 1958 г. сообщил Пастернаку: «Во Франции есть очень большие поэты Рене Шар и Анри Мишо, которые знают Вас, как первого и великого поэта нашего времени».

В июне 1958 г., ожидая появления французского издания «Д.Ж.», Сувчинский волнуется по поводу качества переводов, появлявшихся в газетах и журналах, и пишет, что будет следить за переводами и помогать исправлять их. «Нужно, во что бы то ни стало, чтобы в будущем году Вы получили высшую европейскую премию», – заканчивает он свое письмо³ [1].

В заключительной части первой главы своей книги Л. Флейшман рассматривает опубликованную в «Вестнике Института по изучению СССР» (1957, № 4) статью Аркадия Гаева, сотрудника этого института, расположенного в Мюнхене:

«“Антисоветский” характер пастернаковского произведения Гаев доказывал не разбором текста, а анализом отношения к нему советских властей... Он провел параллель между историей с романом «Д.Ж.» и кампанией в Советах 1929 г. против Пильняка и Замятина». Гаев указывал: «Произведения Замятина, роман «Мы», и повесть Пильняка «Красное дерево» не были приняты к изданию в начале перехода Сталина к политике полного подчинения искусства указаниям партии».

Случай с романом Пастернака также относится ко времени ликвидации Хрущевым «оттепели» в области литературы и искусства (...) Имена Пильняка и Замятина в советское время оставались запрещенными к упоминанию». Именно А. Сурков – в угрожающем контексте – при встрече с

² Воспоминания З. Шаховской напечатаны на англ. яз. (пер. Б. Мансурова).

³ Вадим Козовой (1937-1999), зять Ольги Ивинской, которая была последней любовью и музой Бориса Пастернака. Об Ольге поэт сообщал сестрам в письме 1 ноября 1957 г.: «Ольга Ивинская, Лара моего романа... Это единственная душа, с кем я обсуждаю, что такое бремя века...». Козовой с 1981 г. жил в Париже, куда приехал с 16-летним, старшим сыном Борей для лечения сына от тяжелой болезни. Его жена Ирина, дочь О. Ивинской, с младшим их сыном 10-летним Андрюшей смогла переехать к мужу в Париж только с началом «перестройки» в 1985 г. Вадим стал известным литератором и переводчиком с французского и близко подружился с Петром Сувчинским. Перед смертью Сувчинский завещал свой литературный архив Вадиму Козовому. Первую часть «Поэта в катастрофе» вместе с письмами Сувчинского к Пастернаку Вадим впервые опубликует в журнале парижского Института славистики, №4 за 1990 г. В. Козовой был удостоен престижного ордена Литературы и искусства Франции.

Дж. Фельтринелли в Италии (окт. 1957 г.), требуя от итальянца вернуть рукопись романа «Д.Ж.», припомнил историю с «Красным деревом» и судьбу Бориса Пильняка. Ведь Пильняка по указанию Сталина бросили в концлагерь, где он погиб. До своего ареста в 1937 г. Борис Пильняк был соседом и другом Бориса Пастернака в Переделкине (с. 54, 55).

В следующих главах книги (2–8) проф. Флейшман предлагает подробный, увлекательный анализ ряда проблем и тем, возникших в культурной среде русской эмиграции в результате эмоционального взрыва, вызванного романом «Доктор Живаго» и последующим присуждением Борису Пастернаку Нобелевской премии.

Условно, на мой взгляд, можно выделить *такие темы*, как: положительные и негативные отзывы на роман различных деятелей русской эмиграции; возможные прототипы образов романа «Доктор Живаго»; отношение к еврейской теме в связи с реакцией эмиграции на положения, звучащие в речах персонажей романа; роль ЦРУ в публикации романа за рубежом и в присуждении Пастернаку Нобелевской премии; травля Пастернака в СССР и реакция представителей эмиграции на его отказ от Нобелевской премии.

По каждой из этих тем читатель найдет в книге Флейшмана много материала, который большинству исследователей Пастернака в таком объеме представится, по-видимому, впервые, так что обстоятельная рецензия на столь значительный труд – дело будущего. Однако мне необходимо изложить свой взгляд на две темы, которые волновали меня со времени знакомства и откровенных бесед с Ольгой Ивинской в период с 1988 по 1995 г.

Первая «частная тема»: в чем причина резко негативного отношения к роману «Доктор Живаго» со стороны Владимира Набокова?

Вторая, с ковбойским азартом «раскрученная» в последние годы писателем Иваном Толстым, – о том, «Как ЦРУ издавало роман “Доктор Живаго”». Книга его на эту тему вышла в 2009 г.

Материалы для ответа на каждую из этих тем я нашел в книге Л. Флейшмана.

Итак, *Владимир Набоков и Борис Пастернак*.

Как пишет Флейшман, в 1958 г. к Набокову обратились ведущие издания США и Европы за рецензией на роман «Доктор Живаго». К тому времени по миру распространялся бестселлер «Лолита», популярность которого достигла пика. Прочитав «Д.Ж.» в переводе, Набоков отказался писать рецензию, но ни своего отказа, ни мнения о романе не опубликовал.

Однако 21 сентября письмо от Набокова получает хорошо знакомый ему редактор серьезного американского литературного журнала Роман Гринберг (Владимир Набоков и его жена Вера дружили семьями с Романом и Соней Гринбергами). Тон письма развязен и груб, что с дворянским происхождением Набокова не вяжется:

«На мой вкус “Д.Ж.” – неуклюжая и глупая книга, фальшивая исторически, психологически и мистически, полная пошлейших приемчиков (совпадения, встречи, одинаковые ладонки). Социологу м.б. это и интересно, мне же тошно и скучно» (с. 107).

Заметим: через месяц должно состояться заседание Нобелевского комитета по литературе, а евангельские стихи из романа Пастернака уже известны русской эмиграции с декабря 1957 г. из упомянутой выше публикации в журнале «Грани».

Нахожу запись одной из моих бесед с Ольгой Ивинской, где задал ей вопрос о причине неприятия В. Набоковым романа. (К ее ответу, включающему в себя интересную реплику Пастернака на тему Набокова, обратимся позже.)

В 1993 г., я прочитал в книге «“Доктор Живаго” с разных точек зрения» (М.: Советский писатель, 1990) предисловие А. Вознесенского, Председателя Комиссии СП СССР по литературному наследию Б. Пастернака, где на с. 7 говорится:

«Думается, что гены прозы Пастернака в его поэзии, отнюдь не только в “Девятьсот пятом годе”. В строках поэта крепили “прозы пристальной крупницы”, они развивались в томах и других романистов.

Возьмем В. Набокова, ненавистника “Доктора Живаго”. Читаем его “Защиту Лужина”. Вы помните, как герой, шахматный русский гений, выходит на балкончик своей комнаты в немецком городке? Он глядит на луну, которая, дрожа, выпутывается из черной листвы, и ему мерещится его партия с Турати. Ночь полна белых и черных фигур – шахматная партия. “Лужин повернулся и шагнул в свою комнату, там уже лежал огромный прямоугольник лунного света...”. И еще: “Он сидел, опира-

ясь на трость, и думал о том, что этой липой, стоящей на озаренном скате, можно ходом коня, взять вон тот телеграфный столб...».

Где мы это читали? Русский глядит на марбургскую ночь.

Ведь ночью играть садятся в шахматы
Со мной на лунном паркетном полу,
Акацией пахнет, и окна распахнуты,
И страсть, как свидетель, седеет в углу.

И тополь – король. Я играю с бессонницей.
И ферзь – соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю.

“Марбург” Пастернака – завязь Набоковского романа».

На мой взгляд, такого прямого влияния стихов поэта на прозу другого писателя с трудом можно отыскать.

23 октября Нобелевский комитет присуждает Борису Пастернаку Нобелевскую премию по литературе. В. Набоков возмущен и заявляет:

«Выпуск “Живаго” у коммуниста Фельтринелли и вся нобелевская история с Пастернаком с начала до конца являются хорошо просчитанной интригой советских властей», – что полностью совпадает с мнением критика крайне правого толка из кругов промонархической части русской эмиграции Дмитрия Пронина, в чьем пространном отзыве на роман, напечатанном в январе 1959 г. в газ. «Русская жизнь» (выходила в Калифорнии), утверждалось:

«В отношении описания старой России Пастернак блестяще выполнил “социальный заказ” партии и правительства (...) Говоря об ужасах гражданской войны, Живаго-Пастернак замечает, что жестокости совершались обеими сторонами. Но, переходя к образам и картинам, Пастернак не жалеет красок, чтобы изобразить в самых мрачных тонах только белых (...) Подводя итог, следует сказать, что “документ эпохи” в “Докторе Живаго” составлен так, как нужно большевикам» (с. 290-295).

Мнение Набокова и Пронина особенно удивляет на фоне злобной травли Пастернака в СССР, известной им по кричащим публикациям октября-ноября 1958 г., поступившим в Европу и Америку.

Редколлегия «Нового мира» 24 окт. 58 г. негодует:

«Книга Пастернака, клеветнически изображающая Октябрьскую революцию, народ, совершивший ее, и строительство социализма, принята на вооружение международной реакцией... Присуждение премии связано с антисоветской шумихой вокруг «Д.Ж.», направленной на разжигание новой войны...» (подписано: А. Твардовский, Л. Леонов, А. Дементьев и др.) [2].

В передовице газеты «Правда» от 26 окт. 58 г. официальный советский критик Д. Заславский клеймит Пастернака:

«Роман стал сенсационной находкой для буржуазной реакционной печати. Его подняли на щит отъявленные враги СССР, мракобесы, поджигатели новой войны, провокаторы. Это антимарксистский, антисоветский, антикоммунистический пасквиль. Нобелевской премией награждали отъявленных реакционеров в литературе, мракобесов, проповедников войны. Пастернак причислен к этой архиреакционной братии» [2].

Из резолюции общего собрания писателей Москвы:

«Окончательно став отщепенцем и изменником, Пастернак послал телеграмму с благодарностью за эту подачку врагов, протянул руку к тридцати сребреникам. Собрание обращается к советскому правительству с просьбой о лишении предателя Пастернака советского гражданства» [2].

В. Набокова и всех хулителей Б. Пастернака не потрясли даже его вынужденный отказ от Нобелевской премии и потоки брани «от имени всего советского народа», которыми «озарились» советские газеты: «Иуда, свинья, изменник, лягушка в болоте, власовец, которому надо засадить пулю в лоб ...» – таков неполный перечень ненависти и грязи в адрес лучшего, еще живущего поэта России.

Советские власти скрыли от мировой общественности факт попытки Б. Пастернака к самоубийству, о котором знали «друг» Пастернака, член правления Союза писателей СССР К. Федин, отдел

культуры, и члены политбюро ЦК КПСС. Впервые об этом сообщит всему миру только Ольга Ивинская в своей книге «В плену времени», вышедшей в Париже в 1976 г.

13 ноября 1958 г., после нашумевшего на Западе отказа Пастернака от Нобелевской премии, Набоковы послали Гринбергам, которые высоко оценили роман и гениальные стихи Пастернака, письмо с издевательской репликой: «Привет тебе и Соне от нас. Надеюсь, что Вы оба излечились от Доктора Живаго» (с. 192)

Как говорил мне Митя, сын О. Ивинской, «эта весть не могла повлиять на позицию В. Набокова, так как он всегда видел в Пастернаке своего конкурента на Нобелевскую премию».

Восхищавшийся романом Р. Гринберг сообщает в письме к Г. Струве от 8 января 1959 г.:

«Я начал собирать Альманах в честь Б. Пастернака с таким расчетом, чтобы отметить его Юбилей (в феврале 1960 г. 70-летие со дня рождения). Книга будет не о Пастернаке, но для него, как дань, как знак признания отсюда от эмигрантских писателей. Участвовать в Сборнике будет тот, кто им дорожит и считает себя его Союзником (...) Вас я и считаю союзником, не правда ли?» (с. 432). Г. Струве охотно стал участвовать в Сборнике, тогда как Г. Адамович на предложение Гринберга ответил уклончиво.

После радостного ответа Гринберга на статью Струве для сборника, которая была послана и Набокову, 3 июля 59 г. Струве получает от Набокова письмо, написанное с нескрываемым раздражением: «Дорогой Глеб Петрович! Я не могу понять, как Вы с Вашим вкусом и опытом могли быть увлечены мутным советофильским потоком, несущим трупного, бездарного, фальшивого и совершенно антилиберального Доктора Живаго. Почему бы Вам не написать, дорогой Глеб Петрович (у меня руки чешутся, но мы с ним еще висим на золотой трапедии бестселлеров), ученый разбор невероятно вздорных пастернаковских «переводов» Шекспира? В Нью-Йорке нас посетил Фельтринелли с букетом роз» (с. 434).

Ответ Г. Струве от 11 июля 59 г.: «Ваш отзыв на роман Пастернака мне непонятен, хотя отголоски его до меня доходили. Не хочу сейчас вступать с Вами в спор – очевидно, у нас с Вами совсем разный подход (...) Вчера я завтракал с преподавателями английского департамента (...) Речь зашла о Вашем отзыве о «Живаго», и кто-то сказал, что Вы считаете роман антисемитским. Неужели серьезно? (с. 436). В ответе на вопрос Г. Струве возмущенный Набоков отказался признать свою причастность к обвинению Пастернака в антисемитизме.

Л. Флейшман пишет, что выдержки из этих писем с набоковскими высказываниями о пастернаковском романе Г. Струве послал В. Маркову. Реакция Маркова была знаменательна. Прежде, чем ее привести, поведаю, как обещано вначале, о моем разговоре с О. Ивинской на тему «Пастернак и Набоков». В одной из наших бесед о романе я сказал, что недавно прочел у Вознесенского о том, что Набоков ненавидел роман «Доктор Живаго». Знал ли об этом Пастернак? О. Ивинская ответила: «Впервые о неприязни Набокова к роману я услышала от самого Бориса Леонидовича. Помню его реплику: “Видимо, Набоков обиделся на меня из-за Комаровского”. Я недоуменно спросила Борю, а причем здесь Комаровский? Он отмахнулся, сказав: “Оставь это. У Набокова свой читатель”. Когда уже не было Бори, я прочитала “Лолиту” и поняла глубокий смысл его реплики относительно Комаровского. В его образе Пастернак осуждал аморальную, болезненную страсть опытного мужчины к несовершеннолетнему ребенку. Комаровский, как и набоковский Гумберт, соблазнял и развращал девочку ресторанами и номерами в гостиницах. Пастернак показал, что такими соблазнительями и развратителями могут быть только люди аморальные или с больной психикой. Конечно, “Лолита” далека от христианской морали, которой пропитан Доктор Живаго. Но Набоков хорошо понимал, что для широкого потребителя бульварной печати милей будет “Лолита”, которую можно читать в трамвае или от скуки. У романа Пастернака другой читатель. И решение Нобелевского комитета, несомненно, отвечало завету Нобеля, присуждать премию по литературе за произведения ‘идеалистической направленности’. А к каким идеалам призывал в ‘Лолите’ Набоков? Пастернак призывал людей к любви и добру, к неприятию лжи и насилия. А Евангельские стихи Бориса Леонидовича – непревзойденные шедевры!».

Теперь предлагаю читателю ответ В. Маркова от 16 авг. 59 г. на письмо Г. Струве, в котором были цитаты из Набокова с руганью в адрес Пастернака: «Большое спасибо за отрывки из писем Набокова. Они утвердили мои подозрения. Во-первых, Набоков явно завидует Пастернаку, и зависть эта не одного художника к другому, не Сальерическая. Ибо Набоков искренне, видимо, считает «Живаго» вещь неудачной, и тут он не одинок, да и нельзя было ожидать от него иного, зная его вкусы.

Основа этой зависти – комплекс неполноценности. Набоков давно уверился, что этика в художественность не входит, и вдруг встречается с вещью, которая именно духовно-этическим содержанием и сильна. Он внутренне чувствует, что это большая сила, что благородство, чистота – вещи решающие, и роман Пастернака именно из-за них производит действие на читателя. Но сам Набоков не может это открыто признать, ибо давно ‘доказал’, что это все ерунда. На этой почве он может просто возненавидеть Пастернака – и есть за что. Пастернак ставит под сомнение всю его эстетику».

Право, сколь ясно и точно выражена главная причина ненависти Набокова к Пастернаку. Это письмо оказалось и пророческим. Л. Флейшман говорит о поступке Набокова: «Написанное Набоковым, очевидно, как непосредственный отклик на смерть Пастернака (умер 30 мая 1960 г. – Б.М.) и сразу же, 3 июня 1960 г., посланное Р. Гринбергу для журнала “Воздушные пути” стихотворение “Какое сделал я дурное дело” было встречено как концентрированное выражение “анти-Пастернакизма”».

Обычно исключительно корректный, Струве пишет по этому делу Маркову 1 июля 196 г.: «Если бы мне пришлось писать отзыв о “Воздушных путях” (1961), я бы очень резко, не стесняясь, отозвался о стихотворении Набокова, пародирующем Пастернака. Я считаю его гнусным и пишу об этом направо и налево своим корреспондентам» (с. 440).

Любители поэзии Пастернака и все честные читатели благодарны профессору Лазарю Флейшману за публикацию писем, проливающих свет на истину, которая долгое время была скрыта от людей.

О своем видении темы «ЦРУ и “Доктор Живаго”», хорошо представленной в книге Флейшмана, обязательно напишу.

* * *

1. Козовой В. Поэт в катастрофе. М., Гнозис, 1994.
2. Литературная газета. 1958, 1 ноября.

Б.Б. Мансуров,
кандидат технических наук